

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.36>

Потапова Наталья Михайловна

АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Данная статья посвящена лингвистическому анализу средств ведения информационной войны. Материалом послужил современный англоязычный политический дискурс. Проанализированы некоторые характерные методы модификации значения как отдельных языковых единиц, так и более крупных отрезков дискурса. Новизна работы заключается в том, что впервые с помощью лингвостилистического анализа выделяются лингвистические средства и приёмы ведения информационной войны. В результате исследования показано, как в ходе взаимного влияния разных аспектов значения внутри языковой единицы происходят определённые процессы, такие как вытеснение одного значения другим, затемнение значения и полное изменение значения языковой единицы, позволяющее использовать текст в геополитических целях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 1. С. 161-165. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

MORPHOLOGICAL PECULIARITIES OF THE SCIENTIFIC STYLE OF THE YAKUT LITERARY LANGUAGE

Parnikova Yurchana Yur'evna

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
pyrchana@yandex.ru*

The article deals with the morphological features of the scientific style of the Yakut literary language. At present, the scientific style of the Yakut language has been little studied, and therefore this research is topical both in theoretical and practical terms for the further development of the stylistics of the Yakut language. In the main part of the paper, the characteristic morphological features of scientific texts in the Yakut language are singled out and described. The author focuses on defining the indicators of specific morphological units, the frequency of their use.

Key words and phrases: scientific style; scientific text; Yakut literary language; morphological units; morphological features.

УДК 811

Дата поступления рукописи: 14.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.36>

Данная статья посвящена лингвистическому анализу средств ведения информационной войны. Материалом послужил современный англоязычный политический дискурс. Проанализированы некоторые характерные методы модификации значения как отдельных языковых единиц, так и более крупных отрезков дискурса. Новизна работы заключается в том, что впервые с помощью лингвостилистического анализа выделяются лингвистические средства и приёмы ведения информационной войны. В результате исследования показано, как в ходе взаимного влияния разных аспектов значения внутри языковой единицы происходят определённые процессы, такие как вытеснение одного значения другим, затемнение значения и полное изменение значения языковой единицы, позволяющие использовать текст в геополитических целях.

Ключевые слова и фразы: дискурс; лингвостилистический анализ; выразительные средства языка; эвфемизм; информационная война.

Потапова Наталья Михайловна, к. филол. н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
natpot@mail.ru*

АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

В настоящее время многовековой цивилизационный конфликт между Россией и западными странами разгорелся вновь. «Холодная война» не закончилась, а перешла в новую фазу, изменила название. Сегодня она называется «информационной», «виртуальной», или «гибридной» войной. В двадцатом веке формальным поводом для «холодной войны», по выражению западных политиков, была «коммунистическая угроза», которую Советский Союз нес миру. Сегодня, по словам президента России, взаимопониманию мешают «не-разорвавшиеся снаряды» той «холодной войны» – идеологические стереотипы, двойные стандарты и блоковое шаблонное мышление [5].

Данная статья, выполненная на современном материале англоязычного политического дискурса, посвящена анализу языковых приёмов ведения информационной войны. Она ставит задачу продемонстрировать механизм модификации значения языковых единиц в политических целях. Актуальность работы обусловлена обострением проблемы геополитического противостояния стран, которая, в свою очередь, диктует необходимость научно-теоретического изучения типичных методов модификации значения отдельных языковых единиц и более крупных отрезков дискурса.

Для решения поставленной задачи используется лингвостилистический анализ, позволяющий раскрыть семантическое и метасемиотическое значение языковой единицы и показать сложный процесс взаимного проникновения разных аспектов значения языковой единицы, который нередко приводит к вытеснению одного значения другим, маскировке значения и к полной модификации значения языковой единицы и смысла высказывания. Полученный результат можно использовать в подготовке материалов для спецкурсов по международной коммуникации.

Лингвистические приёмы, позволяющие вести информационную войну, нуждаются в благоприятной среде для эффективного функционирования. Таковой является либеральный дискурс, получивший широкое распространение в мировом коммуникационном пространстве.

Дискурс в языкознании понимается широко – всё, что говорится и пишется, вся речевая деятельность, являющаяся «в то же время и языковым материалом» [7, с. 29]. В Лингвистическом энциклопедическом

словаре даётся созвучное данному пониманию определение дискурса: «Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными факторами; текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 136].

Таким образом, дискурс, вербальная среда, наполняющая все сферы жизнедеятельности человека, определяет события и в свою очередь сама обуславливается ими, а также формирует мотивацию, побуждающую к действиям.

Основа либерального дискурса – это совокупность тщательно разработанных авторитетных текстов, содержащих ключевые концепты, постулаты, идеологические установки, которые постоянно корректируются, приспосабливаясь к внешним условиям, но в своей идейной основе остаются неизменными на протяжении многих лет.

Дискурс формируется целенаправленно. Современный либеральный дискурс является конструктом определённой группы лиц, обслуживающей интересы крупного капитала.

Языковые особенности данного типа дискурса можно увидеть с помощью лингвостилистического анализа примеров. Лингвостилистический анализ предполагает рассмотрение высказывания на трёх уровнях значения: семантическом, метасемиотическом и семиотическом. В данной статье мы ограничимся первыми двумя уровнями анализа – выявлением собственно смыслового содержания слова – его семантического значения и приобретаемых им экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотаций.

Все уровни лингвостилистического анализа соотносятся друг с другом. На семантическом уровне значения рассматриваются языковые единицы в их прямых значениях, изучается семантика отдельных слов – система их лексических значений, анализируется способность слова передавать информацию.

Метасемиотический уровень анализа связан с семантическим, так как дополнительное содержание языковых единиц может быть осмыслено только с учётом их семантики. Термин «метасемиотика» определяется в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой следующим образом: «Метасемиотика – отрасль семантики, изучающая такое использование единиц языка, при котором содержание и выражение становится (в целом, совокупно) либо содержанием для нового (мета) выражения, либо выражением для нового (мета) содержания» [2, с. 230].

Таким образом, на метасемиотическом уровне анализа мы рассматриваем функционирование слов в речи, изучаем средства выражения дополнительного содержания языковых единиц в речи, обращая внимание на коннотации, которые приобретают слова в контексте употребления. Происходит раскрытие адгерентных свойств слов, тех особых оттенков значений, которые появляются у слова в контексте ситуации, в то время как в ином контексте или изолированно они могут утрачиваться. Метасемиотика реализует функцию воздействия в языке.

Лингвостилистический анализ позволит выделить основные лингвистические приёмы, превращающие тексты в средства ведения информационной войны.

Так, авторитетное издание “Foreign Affairs” в последнем номере опубликовало статью под «говорящим» заголовком “Responding to Russia’s resurgence. Not quiet on the Eastern front” [11] («Ответ на возрождение России. На восточном фронте неспокойно», аллюзия на название романа Э. М. Ремарка “All quiet on the Western front”). Из названия следует, что, по мнению автора (Ivo H. Daalder), Россия возрождается (Russia’s resurgence) и на её возрождение следует реагировать (responding). Далее, из названия вытекает, что Россия – это военный фронт (the Eastern front).

В своей статье автор (Ivo H. Daalder) пытается обосновать изложенные в названии идеи. К сожалению, ему не удаётся выйти за рамки «блокового» мышления, и его цель – не исследовать события, а доказать, что идеи либерализма и демократии, как они понимаются коллективным Западом, истинны и их необходимо реализовать во всём мире. Россия не в полной мере согласна с ними, и, следовательно, есть враг и угроза миру.

Автор либо не знает новейшей истории, либо умышленно искажает её для достижения моральной победы над Россией. Уже в начале статьи начинается «артподготовка» – сравнение России с фашистской Германией 30-х годов. Для этого автор вспоминает слова российского президента о необходимости защиты прав русских, произнесённые на Мюнхенской конференции [5], и утверждает, что они напоминают притязания Германии на защиту немцев в Австрии, Чехословакии и Польше. “To many these words echoed claims made during 1930s that Germany had a right and obligation to protect Germans in other countries, Austria, Czechoslovakia, Poland” [9]. Как известно, защита немцев в названных странах была поводом к захвату этих стран Германией, на это и намекает автор статьи. По его логике, поскольку Германия, защищая немцев, захватила интересующие её страны, то и Россия нападёт на соседние страны.

Перед нами банальное искажение истории во имя борьбы с Россией. Известно, что Чехословакия и Австрия были целенаправленно отданы Третьему Рейху руководителями западных стран без согласия руководства и народа данных стран для «успокоения» немецкого лидера (appeasement policy). “On this day in 1938, Adolf Hitler, Benito Mussolini, French Premier Edouard Daladier, and British Prime Minister Neville Chamberlain sign the Munich Pact, which seals the fate of Czechoslovakia, virtually handing it over to Germany in the name of peace. Upon return to Britain, Chamberlain would declare that the meeting had achieved «peace in our times» [Ibidem]. / «В этот день в 1938 году Адольф Гитлер, Бенито Муссолини, французский премьер Эдуард Даладьё и британский премьер министр Невилл Чемберлен подписали Мюнхенский пакт, который решил судьбу Чехословакии, практически передав её Германии во имя мира. Возвратившись в Великобританию, Чемберлен заявил, что встреча увенчалась “достижением мира”» (здесь и далее перевод автора статьи. – Н. П.).

Вернёмся к рассматриваемой статье из “Foreign Affairs” [11]. Посмотрим, как выразительные возможности языка привлекаются для решения геополитических проблем. Обратимся к лингвостилистическому анализу текста.

В упомянутом отрывке “to many these words echoed claims...” семантическое значение глагола “echo”, согласно словарю “Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English”, следующее: “...to repeat an idea or opinion because you agree with it” [8, p. 485]. / «...повторить идею или мнение, потому что вы согласны с ним». Глагол, образованный от существительного «эхо», имеет дополнительные коннотации – не простое повторение идеи или согласие с ней, а точное воспроизведение её.

Семантическое значение существительного “claim” (притязание) двухслойно: “...statement that smth is true although 1) it has not been proven and 2) other people may not agree with it” [Ibidem, p. 267] / «...утверждение, что нечто является верным, хотя и 1) без доказательств, 2) другие люди могут не согласиться с этим».

Из истории известно, что притязания Германии были удовлетворены, следовательно, стали реальностью, и сегодня их нельзя назвать «притязанием». Значит, использование в тексте слова “claim” актуализирует второй слой значения – неодобрение автора данного события – захвата Германией европейских стран.

Следует напомнить, что вследствие агрессивной политики Германии того времени произошло «засорение» некоторых сем, например, таких, как «фашизм», и сейчас простой ассоциации с ними достаточно для возбуждения негативного отношения у адресата к предмету. В рассматриваемом отрывке упоминается лишь Германия 30-х годов, и этого становится достаточно для возбуждения у адресата негативной ассоциации и перенесения негативных свойств денотата (Германия 30-х годов) на сравниваемый с ней объект – Россию.

И последнее, местоимение “to many” (многим) в роли дополнения здесь выбрано неслучайно. Оно выступает усилителем значения выражения “these words echoed claims”, показывая, что это мнение разделяют многие. С другой стороны, использованное изолированно, без существительного, оно затемняет значение всего выражения, умышленно опуская субъекта действия. Нам не сообщается, кому слова российского президента напоминают политику Гитлера.

Таким образом, используя выражение “to many these words echoed claims made during 1930s that Germany had a right...”, автор осуществляет вербальную атаку на современную Россию.

Рассмотрим ещё один пример. “In the Kremlin eyes, Russia is again a great global power and therefore can act as global powers do” [11]. / «В глазах Кремля Россия опять стала великой мировой державой и поэтому может поступать как мировые державы». По нашему мнению, здесь производится атака на Россию и демонстрируется природа современного «демократического» устройства мира.

Прежде рассмотрения лингвистических особенностей, необходимо отметить ограниченность восприятия автором геополитических реалий. Он выносит суждение о стране лишь на основании внешних временных показателей, игнорируя постоянные и слабо изменяющиеся.

Разобьём предложение на несколько частей. Словосочетание “In the Kremlin eyes” построено на метонимическом переносе значения. Власть названа Кремлём по месту пребывания, а мнение власти «глазами» – по органу зрения. Данный приём – перенос значения с целого на его часть – использован в ограничительных целях. Смысл словосочетания получился следующий: единственно Кремль видит Россию мировой державой, а не русский народ, и тем более не весь остальной мир. Современное «демократическое» устройство мира, как следует из статьи, имеет расистский оттенок.

Представляет интерес значение словосочетания “global power”. Оно не выводится как сумма семантических значений составляющих слов. В словаре читаем: “Power – a country with a lot of influence in world affairs, or with great military strength”. “Global – covering or affecting the whole world” [8, p. 659]. / «Держава (сила) – страна, имеющая большое влияние на мировые дела, или обладающая большой военной силой». «Глобальный – охватывающий весь мир, или влияющий на весь мир».

Слово “power” в составе словосочетания метафорично, но почти утратило свою силу и воспринимается как прямое наименование. Метафорическое преобразование здесь легко проследить. Как известно, метафора, или метафорическая модель – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов (слотов, концептов) одной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы (сферы-мишени) [6]. В нашем примере сфера-источник – это абстрактное существительное “power” (власть) – семантически влияет на сферу-мишень – концепт «страна», придавая ей дополнительное значение силы (по-русски – «державы»).

В свою очередь, определение “global”, как утверждает толковый словарь, говорит то же самое – «влияющая на весь мир» [8, p. 659]. Ясно, что прилагательное “global” призвано усилить «влияние страны на мировые дела», то есть убедить адресата, что, поскольку страна является глобальной (мировой), то она имеет право влиять на весь мир.

Посмотрим внимательно на семантическое значение слова “power”. Оно раскрывается через не прямое наименование – “influence in world affairs” (влияние на мировые дела) [Ibidem]. По нашему заключению, словосочетание “world affairs” – эвфемизм.

Как известно, эвфемизмы – это средства непрямого способа номинации для более эффективного достижения целей высказывания [4, с. 24]. Напомним, что обязательным признаком эвфемизма является поверхностный, не затрагивающий сути характер улучшения денотата, сохранение истинности высказывания. Эвфемизм обладает семантической неопределённостью, или низким уровнем конкретности смыслового наполнения, который и позволяет смягчать негативную оценку денотата [Там же, с. 25].

Эвфемизм “world affairs” образован с помощью метонимического переноса, а точнее синекдохи, когда, называя целое, имеется в виду часть. Нельзя влиять на мир «в целом», но, влияя на каждую конкретную страну, можно пытаться влиять на весь мир. Следовательно, словосочетание с размытым значением «мировые дела» используется вместо словосочетания с конкретным значением – «внутренняя политика определённой страны».

С удивлением отмечаем, что семантика слов, раскрываемая в толковом словаре, не опирается на первичные значения слов. Словосочетание “global power”, как оно определено в словаре, призвано замаскировать типичную политику вмешательства во внутренние дела стран «глобальными державами» Запада. Новое метасемиотическое значение словосочетания “global power” – не просто мировая держава, а страна-гегемон – обнаруживается в ходе лингвостилистического анализа.

Вторая часть предложения “therefore can act as global powers do” не менее интересна. На первый взгляд кажется, что здесь не используются специальные лингвистические средства, но тем не менее смысл выражения “can act as global powers do” не исчерпывается значением данных слов. Он предполагает дальнейшее осмысление. Возникает вопрос: как могут поступать мировые державы? Прямого ответа автор из “Foreign Affairs” [11] не даёт, но ясно, что мировые державы «могут поступать особым образом», так как не позволено поступать остальным странам. По нашему мнению, данное высказывание автора приоткрывает двусмысленный характер современного либерального дискурса.

Многочисленные косвенные наименования эвфемистического характера, встречающиеся в тексте указанной статьи, демонстрируют приверженность автора стратегии эвфемизации дискурса. Например, говоря о необходимости укреплять НАТО, автор использует выражение “bolster NATO’s defense capabilities”. Антецедентом данного выражения могло быть бы «размещение войск» – “place more troops”, но оно бы шло вразрез с принципами либерального дискурса – избегать прямых наименований опасных тем. Поэтому используется эвфемизм “defense capabilities”, который хорошо справляется с задачей вуалирования значения, благодаря широкой семантике существительного “capabilities”: “...the ability or qualities necessary to do something” [8, p. 219]. / «...возможности – способность или качество, необходимое для чего-либо».

Существительное “defense” традиционно используется в военных эвфемизмах, например, “department of defense”.

Ещё один типичный эвфемизм – “reassurance initiative”. У него то же значение, что и у предыдущего словосочетания, – «размещение войск». Его значение в отрыве от контекста нераспознаваемо, так как оба его компонента эвфемистичны и служат косвенными средствами номинации, актуализируя свои метасемиотические возможности. Так, метасемиотическое значение словосочетания “reassurance initiative” выводится как сумма значений слов “reassurance” и “initiative”, плюс значение антецедента – «размещение войск». Значение существительного “reassurance”, согласно словарю, следующее: “...the fact of giving advice or help that take away person’s fears” [Ibidem, p. 1259] («...предоставление совета или помощи, которые устраняют страх»). Значение существительного “initiative”: “...a new plan for dealing with a particular problem” [Ibidem, p. 799] («...новый план решения проблемы»). Следовательно, метасемиотическое значение эвфемизма “reassurance initiative” будет таковым – «устранение угрозы путём размещения войск».

Упоминание о военной угрозе со стороны России осуществляется только при помощи выразительных средств с целью усилить восприятие опасности, наделять объект негативными коннотациями, например, “magnitude of threat” (величина угрозы); “position of military dominance” (положение военного господства); “expansion of military footprint” (расширение военного присутствия).

В заключение следует сделать вывод, что лингвостилистический анализ англоязычного политического дискурса позволил раскрыть некоторые механизмы модификации значения языковых единиц. К данным механизмам следует отнести эвфемизацию, метафорический и метонимический перенос значения. Данный анализ наглядно продемонстрировал, как компоненты значения внутри языковой единицы способны взаимодействовать и влиять друг на друга, что приводит к затемнению значения отдельных языковых единиц и смысла высказывания. Выявление типичных методов изменения значения слов в условиях геополитического противостояния и информационной войны позволяет более эффективно решать проблемы международной коммуникации.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
3. Потапова Н. М. Лингвистические средства и механизмы моделирования лингвистического значения [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27507891> (дата обращения: 18.06.2018).
4. Потапова Н. М. Эвфемизмы и деловой дискурс. М.: МАКС Пресс, 2009. 136 с.
5. Речь Путина в Мюнхене [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Речь_Путина_в_Мюнхене_\(2007\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Речь_Путина_в_Мюнхене_(2007)) (дата обращения: 18.06.2018).
6. Чудинов А. П. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Российские выборы на рубеже веков» [Электронный ресурс] // Respektus philolodicus. 2002. № 2. URL: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/chudinov.html> (дата обращения: 18.06.2018).
7. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 29 с.
8. Hornby A. S., Ashby M., Wehmeier S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. 7th ed. Oxford University Press, 2005. 1780 p.
9. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/46131> (дата обращения: 18.06.2018).
10. <http://www.history.com/this-day-in-history/hitler-appeased-at-munich> (дата обращения: 18.06.2018).
11. <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2017-10-16/responding-russias-resurgence> (дата обращения: 18.06.2018).

**ANALYSIS OF LINGUISTIC MEANS OF INFORMATION WARFARE
(BY THE MATERIAL OF ENGLISH POLITICAL DISCOURSE)**

Potapova Natal'ya Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
natpot@mail.ru

The article is devoted to the linguistic analysis of the means of information warfare. The material for the analysis is modern English political discourse. Some characteristic methods for modifying the meaning of separate linguistic units as well as larger segments of discourse are analyzed. The novelty of the work is that for the first time linguistic means and techniques of information warfare are singled out with the help of linguostylistic analysis. As a result of the research, the author shows how during the mutual influence of different aspects of the meaning within a language unit certain processes occur, such as displacing one meaning with another, dimming the meaning and completely changing the meaning of a linguistic unit, allowing the text to be used for geopolitical purposes.

Key words and phrases: discourse; linguostylistic analysis; expressive means of language; euphemism; information warfare.

УДК 81'13

Дата поступления рукописи: 25.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.37>

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть проблему беспорядочного употребления английской лексики в современном российском социуме, определить ее функции и статус в современном русском языке. Ставятся вопросы: считать ли все англицизмы, встречающиеся в повседневном окружении российского человека, заимствованной лексикой, и все ли употребляемые англицизмы так необходимы русскому языку. На основе анализа 100 английских лексем было выделено две группы слов, из которых одна группа в количестве 32 единиц может претендовать на статус заимствованной лексики, в то время как без англицизмов из другой группы русский язык может обойтись.

Ключевые слова и фразы: англицизмы; английские лексемы; английские заимствования; изменение современного русского языка; языковое влияние; иноязычные заимствования; языковая ассимиляция; статус языковых единиц; назывная функция лексической единицы.

Рождественская Светлана Валерьевна, к. филол. н., доцент

Джулай Ирина Юрьевна, к. пед. н.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова,

г. Новочеркасск

kafinyaz-prof@yandex.ru

**АНГЛИЦИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
СТАТУС И ФУНКЦИИ**

Вопросу существования англицизмов в русском языке и процессам их заимствования регулярно уделяется внимание в современных работах по языкознанию и лингвистике. В этих работах авторами рассматриваются в основном англицизмы какой-то одной определенной области, например, рекламы или СМИ, а также их лексико-грамматические формы в русском языке [2; 4; 11; 12]. В данном же исследовании англицизмы рассматриваются с точки зрения их статуса и функции, которую они выполняют на данный период времени в русском языке. Ставится цель определить, насколько целесообразно присутствие такого большого количества английской лексики в современном окружении российского обывателя. Данное исследование поможет выяснить, какие англицизмы могут претендовать в дальнейшем на статус заимствованной лексики в русском языке и стать впоследствии частью русского языка, а какие только имеют временное явление. Сразу ответим на вопрос: считать ли все встречающиеся нам англицизмы заимствованиями? – Однозначно, нет. Мы придерживаемся той точки зрения, что любое иностранное слово может считаться заимствованным, только если оно адаптировалось к русской фонетике, орфографии, грамматике и семантике и, самое главное, зафиксировано в словарях. Методом сплошной выборки буквально из всего, что окружает и с чем сталкивается российский гражданин дома, на работе, по дороге на работу или домой, в общественных местах (на примерах г. Новочеркаска и г. Ростова-на-Дону), были отобраны 100 лексических единиц, имеющих английское происхождение.

На протяжении всей истории развития русского языка иноязычные слова заимствовались из многих западных и восточных языков в основном вследствие торгово-экономических, военно-политических, социально-культурных связей России с другими странами и их народами. Одной из главных и понятных причин появления иноязычных слов в языке всегда являлась необходимость назвать новые явления, понятия, предметы, которые появлялись в российском обществе, но изначально возникали за его пределами. Определить, сколько иноязычной лексики было принято русским языком на протяжении всего периода его развития, сложно.